

Оспаривание заявления о выходе участника



Макаров Роман

Партнер Nektorov,
Saveliev & Partners (NSP)



Лисина Анастасия

Главный юрист управления
юридических услуг СберРешения

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВЕ НА ВЫХОД ИЗ ОБЩЕСТВА

1.1. Выход участника как односторонняя сделка

Возможность выхода участника из общества является одним из способов распоряжения корпоративными правами. Идея о том, что участнику нельзя запретить выход из общества без возможности возврата своих инвестиций, была отражена и в широко обсуждаемом Определении Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019. Иное противоречит идее товарищеского соглашения, положенной в основу деятельности хозяйственных обществ.

Право на выход, наряду с иными правами, обеспечивающими соблюдение принципа недопустимости вечного записания в корпорации¹, может быть ограничено только при условии, что у участника есть иная возможность прекратить корпоративные отношения,

в том числе посредством отчуждения своей доли и права на выкуп. Если право на выкуп возникает при наступлении определенных условий, то право на выход, если оно предусмотрено уставом, безусловное. В соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона от 08.02.1998 № 14 «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — ФЗ «Об ООО») установлено, что в случае, если уставом общества отчуждение доли или части доли, принадлежащих участнику общества, третьим лицам запрещено и другие участники общества отказались от их приобретения либо не получено согласие на отчуждение доли или части доли участнику общества или третьему лицу при условии, что необходимость получить такое согласие предусмотрена уставом, общество обязано приобрести по требованию участника общества принадлежащие ему долю или часть доли.

Право на выход из корпорации — это секундарное правомочие, входящее в качестве дополнительного элемента в корпоративное обязательство².

1 Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. — М.: Статут, 2017. С. 90.

2 Алексеев С.С. Собрание сочинений. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. — М.: Статут, 2010. С. 474.

Как указал Верховный Суд РФ в Определении от 27.10.2015 № 306-ЭС15-1674, правовые последствия заявления о выходе участника из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, направленного на прекращение прав участия в обществе. Такое волеизъявление является односторонней сделкой, поскольку для ее совершения в соответствии с законом необходимо и достаточно воли одной стороны (п. 2 ст. 154 ГК РФ).

Заявление о выходе — это односторонняя сделка, требующая восприятия. При этом необходимо учитывать изменения, внесенные федеральными законами от 31.07.2020 № 252-ФЗ, № 251-ФЗ в п. 2 ст. 94 ГК РФ, подп. 2 п. 7 ст. 23, ст. 26 ФЗ «Об ООО». Данные федеральные законы изменили момент, с которого доля считается перешедшей обществу, — теперь это не момент получения заявления о выходе обществом, а момент регистрации соответствующих изменений в ЕГРЮЛ. Заявление о выходе подлежит нотариальному удостоверению и подается в налоговый орган удостоверившим такое заявление нотариусом, который направляет копию заявления участника о выходе и копию заявления о внесении изменений в налоговый орган. В связи с этим большинство сложившейся судебной практики, основанной на том, что выход считается совершенным в момент получения обществом заявления о выходе, в настоящий момент не является релевантной. Например, Определение Верховного Суда РФ от 11.04.2017 № 305-ЭС16-14771, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.11.2016 по делу № А56-63174/2015. Отметим исключение для кредитных организаций, где моментом выхода участника по-прежнему признается момент получения обществом заявления.

Таким образом, если ранее момент, когда сделка считается совершенной, а участник — вышедшим из общества, определялся с момента получения обществом заявления о выходе, то сейчас в соот-

ветствии с подп. 2 п. 7 ст. 23 ФЗ «Об ООО» таким моментом является государственная регистрация изменений в ЕГРЮЛ.

Однако изменение момента, с которого выход участника из общества считается состоявшимся, и дополнительные требования в виде государственной регистрации не привнесли в понимание выхода из общества как односторонней сделки никаких изменений. Выход из общества — это по-прежнему односторонняя сделка, требующая восприятия. Правовые последствия заявления о выходе участника из общества наступают исключительно в силу волеизъявления участника, направленного на прекращение прав участия в обществе, изменился лишь момент совершения односторонней сделки.

При этом в настоящий момент нотариальное заверение заявления о выходе является элементом фактического состава сделки по выходу из общества. В связи с этим у участника нет возможности отозвать заявление о выходе. Более того, нотариус, совершающий нотариальное действие по заверению заявления о выходе, подает это заявление для государственной регистрации вносимых изменений. Регистрация является предпосылкой вступления в силу сделки по выходу из общества и лежит за пределами ее фактического состава. С момента нотариального удостоверения и до момента государственной регистрации сделки отзыв заявления о выходе становится неосуществимым, поскольку выполнение фактического состава обусловлено нотариальным заверением³.

1.2. Значение согласия других участников на выход

Пункт 3 ст. 93 ГК РФ предусматривает право участника на выход из общества независимо от согласия других участников, однако ст. 26 ФЗ «Об ООО» ограничивает это право: участник вправе выйти

3 Крашенинников Е.А. Фактический состав сделки // Очерки по торговому праву. Ярославль, 2004. Вып. 11. С. 13.

без согласия других участников, только если это предусмотрено уставом общества. Вследствие сказанного возникает вопрос: если другие участники не возражают против выхода, однако уставом такое право не предусмотрено, может ли участник выйти из общества путем подачи заявления о выходе? Прямое толкование закона позволяет сделать вывод, что выход участника, когда это не предусмотрено уставом, невозможен.

При этом анализ судебной практики показывает, что участник считается вышедшим из общества, если он направил заявление о выходе, а оставшиеся участники против такого заявления не возражали, и из анализа их фактического поведения можно сделать вывод, что заявление о выходе было одобрено. Например, постановлением Арбитражного суда Московского округа от 05.02.2021 по делу № А40-232183/2019 в удовлетворении требования о признании заявления о выходе из общества притворной сделкой было отказано. В основание заявленных исковых требований было положено:

1

нарушения правил ст. 35 Семейного кодекса РФ;

2

нарушение запрета выхода из общества, предусмотренного уставом, — уставом был предусмотрен прямой запрет на выход.

Ни один из аргументов не был признан судом достаточным для признания заявления о выходе недействительным. При этом судом было отмечено, что из поведения выходящего участника следовало, что он воспринимал свое заявление о выходе из общества как действительную сделку, а именно: заявлял требования о взыскании с общества денежных средств, обязанность по уплате которых возникла с момента его выхода из состава участников общества, решение о своем

выходе не оспаривал (п. 6 ст. 66 ГК РФ). Кроме того, суды пришли к выводу, что своими действиями участники общества одобряли сделку, связанную с выходом истца из состава участников общества.

Фактически судом применены положения п. 5 ст. 166 ГК РФ, в данном случае — запрет ссылаться на недействительность сделки лицом, из поведения которого следовало, что оно расценивает выход из общества в качестве действительной сделки.

Таким образом, хотя закон и предусматривает запрет на выход в случае, если право на выход не предусмотрено в уставе, судебная практика ссылается на возможность такого выхода при согласии всех сторон — как выходящего, так и оставшихся участников. Полагаем, что такой подход вполне допустим, но лишь с учетом применения принципа процессуального эстоппеля (п. 5 ст. 166 ГК РФ), то есть сама по себе сделка по выходу не стала действительной, но стороны, которые вели себя так, как будто сделка по выходу из общества действительна, не могут ссылаться на ее недействительность.

При этом не кажется достаточно убедительным аргумент о том, что одобрение выхода участника равнозначно включению данного положения в устав, поскольку воля участников точно так же выражена⁴. Во-первых, это противоречит императивной норме п. 1 ст. 26 ФЗ «Об ООО». Во-вторых, участники, как оставшийся, так и выходящий, не единственные субъекты, наделенные правом на оспаривание сделки по выходу участника из общества.

В связи с этим полагаем, что действительность сделки по выходу участника при отсутствии права на выход в уставе обусловлена действием п. 5 ст. 166 ГК РФ, если субъектом

4 Тарасов К.А., Бруцкий А.В. Обзор практики применения норм законодательства о выходе из обществ с ограниченной ответственностью (часть 2) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 2. С. 172–191.

оспаривания является выходящий участник или оставшиеся участники. Однако ссылка на данное положение закона недопустима при предъявлении требований о признании выхода недействительным третьим лицом (как чаще всего бывает на практике — супругом (супругой) выходящего участника), которое имеет самостоятельный интерес в оспаривании сделки.

2. ОСПАРИВАНИЕ ЗАЯВЛЕНИЯ О ВЫХОДЕ КАК ОДНОСТОРОННЕЙ СДЕЛКИ

2.1. Субъекты оспаривания заявления о выходе

2.1.1. Выходящий участник

На право оспорить заявление о выходе самим выходящим участником указано в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Как указано в постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 11.09.2012 № 4107/12 по делу № А41-11823/11, заявление о выходе может быть только оспоримой, но не ничтожной сделкой.

Случаи оспаривания заявления о выходе из общества самим выходящим участником наиболее часто встречаются в судебной практике. Преобладающее большинство таких случаев составляют дела, связанные с тем, что — по утверждению участников — заявление о выходе они не подавали либо в последующем такое заявление отозвали. Зачастую такие дела связаны с подделкой подписи на заявлении, в связи с чем по такой категории дел проводится почерковедческая экспертиза (например, постановления АС Восточно-Сибирского округа от 09.10.2018 № Ф02-4363/2018 по делу № А33-1476/2016, Одиннадцатого арбитражного

апелляционного суда от 04.05.2018 по делу № А72-11414/2017). Кроме того, отсутствие заявления о проведении почерковедческой экспертизы может быть основанием для отказа в удовлетворении иска (например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 31.05.2018 по делу № А40-75357/2017).

2.1.2. Оставшийся участник (-и)

Оставшиеся в обществе участники могут возражать против выхода участника, однако, если запрет на выход не предусмотрен, участник все равно может реализовать право на выход. В таком случае воспрепятствовать выходу путем оспаривания заявления о выходе можно со ссылкой на злоупотребление правом путем совокупного применения ст. 10 и 168 ГК РФ. Как показал проведенный анализ судебной практики, это довольно сложная задача. Истцу необходимо доказать, что выходящий участник при условии наличия у него права на выход реализует свое право исключительно с тем, чтобы причинить ущерб обществу или иным участникам. Такой ущерб может быть связан с тем, что после выхода участника у общества появляется обязанность выплатить выходящему участнику действительную стоимость доли, что может самым негативным образом отразиться на хозяйственной деятельности общества. Вместе с тем основания для ограничения закрепленного законом права участника на выход должны быть существенными, в противном случае баланс прав и интересов оставшихся участников и выходящего будут существенным образом нарушаться.

Примером неудачной попытки оспорить заявления о выходе оставшимися участниками общества (бывшими участниками, которые также вышли) является постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.06.2019 по делу № А40-134374/2018. В данном деле наследниками умершего участника (Буравлев Г.Д. и ООО «Чикаго») был заявлен иск о признании

недействительной сделки по выходу оставшихся участников из общества на том основании, что из-за выхода и выплаты действительной стоимости доли ответчикам общество оказалось неспособно выплатить действительную стоимость доли истцам. После смерти одного из участников его наследники Буравлев Г.Д. и ООО «Чикаго» в судебном порядке взыскали действительную стоимость доли. После этого оставшиеся участники направили заявление о выходе из общества и им была выплачена действительная стоимость доли.

Истцы ссылались на то, что последующий выход трех участников из состава участников общества и выделение им имущества в натуре в счет выплаты действительной стоимости их доли направлены исключительно на причинение вреда интересам Буравлева Г.Д. и ООО «Чикаго» и на воспрепятствование исполнению решения суда о выплате истцам действительной стоимости доли.

Суды трех инстанций в удовлетворении требований отказали, пришли к выводу о недоказанности того, что действия общества и его участников были направлены на причинение ущерба истцам и их целью являлось уклонение от исполнения решения Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-189297/2016, при этом сославшись, в частности, на:

- то, что право на выход из состава участников общества прямо предусмотрено ФЗ «Об ООО», в то время как обязанность участников доказывать целесообразность выхода из общества правовыми нормами не определена;
- тот факт, что в собственности ООО «Мостелемонтаж» осталась доля в праве на здание в размере 2664/9988, или 26,672%, что соответствует величине доли умершего участника Буравлева Д.А.

Таким образом, суды не установили злоупотребления правом при подаче заявления о выходе из состава

участников общества по основаниям ст. 10 и 168 ГК РФ, поскольку истцы, ссылающиеся на направленность действий ответчиков на вывод ликвидного актива общества с целью воспрепятствования обращения взыскания на принадлежащие им права на доли в уставном капитале общества, не доказали нарушение их прав оспариваемыми сделками ответчиков по выходу из состава участников.

Таким образом, хотя у оставшихся участников есть теоретическая возможность оспорить заявление о выходе, на практике в силу безусловного права участника на выход, если оно предусмотрено уставом (если не предусмотрено — нотариус такое заявление не заверит), доказать направленность исключительно на причинение вреда обществу довольно затруднительно.

2.1.3. Супруг (супруга) выходящего участника

Отчуждение доли требует нотариального оформления в силу п. 3 ст. 35 Семейного кодекса РФ, а именно нотариально удостоверенного согласия другого супруга.

Иск супруга вышедшего участника подлежит удовлетворению, если:

- доля в обществе в соответствии со ст. 34, 35 Семейного кодекса РФ на момент выхода участника из общества относилась к общему имуществу супругов;
- супруг не давал согласия на распоряжение имуществом путем выхода;
- общество знало или должно было знать об отсутствии такого согласия (ст. 35 Семейного кодекса РФ).

Проведенный анализ судебной практики показал, что истцу редко удается доказать все три перечисленных основания. Однако встречается и положительная судебная практика, например постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2021 по делу № А41-76419/19.

2.1.4. Конкурсный управляющий в банкротстве

Сделка по выходу участника из общества ведет к возникновению у общества обязанности по выплате действительной стоимости доли, что возлагает на общество обязанности, которые могут крайне негативным образом сказаться на его финансовом положении. По общему правилу третьи лица, не являющиеся участниками общества, не могут оспаривать сделку по выходу участника, поскольку право на выход является корпоративным правом, которое не влияет на права третьих лиц по отношению к обществу.

Однако в процедуре банкротства появляются дополнительные основания для оспаривания сделки, поскольку фокус законодателя смещается на интересы кредиторов, а не на защиту безусловных корпоративных прав участников.

Возможность оспаривания сделки по выходу из общества конкурсным управляющим была подтверждена в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 301-ЭС17-13352 по делу № А31-4923/2014, вошедшем в Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2018 г., утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018. Участник должника путем заключения ряда сделок, в том числе сделки по выходу из общества, фактически совершил притворную сделку по отчуждению 100% доли в уставном капитале своей родственнице с целью избежания обращения взыскания на данную долю в конкурсном производстве.

Данная сделка была оспорена в качестве притворной по ст. 170 ГК РФ, при этом заявитель ссылался на то, что прикрываемая сделка также являлась недействительной как на основании п. 1 ст. 174.1 ГК РФ (как сделка, совершенная в нарушение запрета, ограничения на распоряжение имуществом, вытекающих из законодательства о несостоятельности (банкротстве)), так и на основании п. 2 ст. 61.2

Закона о банкротстве (как подозрительная сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов). Данные доводы были признаны судом обоснованными, и дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При этом теоретически право на оспаривание сделки есть у кредиторов вне рамок банкротства, но практика показывает, что доказать вред имущественным правам кредитора без ссылок на специальные нормы Закона о банкротстве крайне сложно в связи с высокими стандартами доказывания. Пока общество находится в нормальном финансовом состоянии, законодательство и судебная практика в целом не ориентированы на защиту кредиторов путем предоставления им возможности влияния на внутрикорпоративные отношения, к которым относится и выход участника из общества.

Например, как отмечено в Определении Верховного Суда РФ от 03.03.2021 № 307-ЭС21-1511 по делу № А56-40236/2019, истец не является участником общества, не обладает правом на оспаривание корпоративных решений предприятия; оспариваемые решения не создают для истца никаких правовых последствий; требования о признании недействительной сделки по выходу участника из состава участников предприятия заявлены к ненадлежащему ответчику; истцом не доказано, что принятие оспариваемых решений и сделка по выходу из состава участников предприятия повлекли за собой утрату имущества предприятия, вследствие чего истец не получил исполнения по судебному акту.

2.2. Основания оспаривания заявления о выходе

Поскольку к заявлению о выходе применяются общие положения о сделках и их недействительности, интересно рассмотреть, какие основания могут быть положены в основу оспаривания заявления о выходе из общества.

Как указано в постановлении Президиума ВАС РФ от 11.09.2012 № 4107/12 по делу № А41-11823/11, заявление о выходе может быть только оспоримой, но не ничтожной сделкой. Однако такой вывод сделан Президиумом ВАС РФ со ссылкой на п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения ФЗ «Об ООО», где речь идет об оспаривании заявления о выходе самим участником в случае отказа общества удовлетворить его просьбу об отзыве заявления. Насколько релевантен вывод Президиума ВАС РФ о том, что заявление о выходе может быть исключительно оспоримой, но не ничтожной сделкой, когда речь идет об оспаривании сделки не самим выходящим участником, а иным лицом? Как показывает судебная практика, заявление о выходе может быть мнимой или притворной сделкой, что означает ничтожность такой сделки. Подробнее конкретные основания оспаривания заявления о выходе будут рассмотрены далее.

2.2.1. Недействительность мнимой и притворной сделок (ст. 170 ГК РФ)

Выход участника из общества может быть оспорен, если выходящий участник не стремился создать правовые последствия, связанные с выходом из общества, либо стремился создать иные правовые последствия. Мнимой сделкой может быть признан выход из общества, если участник в результате такой сделки фактически перестает быть собственником доли в уставном капитале, но юридически осуществляет контроль. Например, в силу квазикорпоративного договора (или корпоративного, если участник вышел из общества не полностью) с помощью конструкции залога или опциона фактически продолжает контролировать деятельность общества. В данном случае в оспаривании выхода теоретически могут быть заинтересованы кредиторы такого участника либо супруг. Однако подобной судебной практики не встречается, вероятно, в связи со сложностью доказывания умысла и фактических обстоятельств данных дел.

Притворной может быть признана сделка, которая прикрывает сделку по отчуждению доли третьему лицу. Как указано в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 301-ЭС17-13352 по делу № А31-4923/2014, включенном в Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2018 г., утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018, в ситуации принятия единственным участником хозяйственного общества формального решения об увеличении уставного капитала за счет дополнительного вклада третьего лица, невнесения этим третьим лицом реального дополнительного вклада (либо внесения им символического дополнительного вклада) и при установлении обстоятельств, указывающих на взаимосвязанность упомянутых действий (бездействия) и последующих действий по выходу из общества бывшего единственного участника, перераспределению его доли в пользу нового участника, соответствующие сделки подлежат признанию притворными (п. 2 ст. 170 ГК РФ), прикрывающими прямое безвозмездное отчуждение доли.

Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25.02.2021 по делу № А41-76419/19 сделка по выходу участника из общества была оценена судом в качестве элемента состава притворной сделки: «исходя из того, что увеличение уставного капитала ООО «Капинстрой» и уменьшение в нем доли Павлова А.П., а впоследствии выход последнего совсем из общества, являются результатом совершения нескольких юридических действий, но в рамках одной сделки». Суд указал, что совокупность указанных юридических действий и сделок фактически прикрывает собой сделку по отчуждению Павловым А.П. доли в размере 100% уставного капитала общества Петрову А.В., в связи с чем суд пришел к выводу, что они являются притворными.

Таким образом, в редких случаях, когда истцу удастся доказать фактический состав недействительности сделки по основаниям ст. 170 ГК РФ, заявление

о выходе из общества расценивается как часть взаимосвязанных сделок, которые прикрывают отчуждение доли в обход установленных ограничений на такое отчуждение, а зачастую и попытки избежать обращения взыскания на долю в будущем.

2.2.2. Недействительность сделки в отношении имущества, распоряжение которым запрещено или ограничено (ст. 174.1 ГК РФ)

Заявление о выходе может быть признано недействительным, если ограничена возможность выхода участника либо возможность распоряжения корпоративными правами. Например, была признана недействительной сделка по выходу участника в связи с тем, что на долю был наложен арест⁵.

Зачастую при оспаривании заявления о выходе п. 1 ст. 174.1 ГК РФ применяется совместно со ст. 170 ГК РФ. То есть истец сначала доказывает, что сделка по выходу является притворной, а затем применяет к сделке, на совершение которой в действительности была направлена воля сторон, правила п. 1 ст. 174 ГК РФ. Например, в постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.08.2021 по делу № А65-26592/2020 заявление о выходе наряду с увеличением уставного капитала было признано недействительной сделкой, поскольку оно прикрывало сделку по безвозмездному отчуждению доли. Поскольку в случае признания сделки притворной к ней применяются последствия прикрываемой сделки, а отчуждение доли было ограничено, суд признал сделку по выходу из общества недействительной на основании п. 1 ст. 174.1 ГК РФ.

Заявление о выходе признается недействительным на основании п. 1 ст. 174 ГК РФ также в рамках процедуры банкротства, что уже было отмечено выше (постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2021 по делу № А70-9154/2020).

2.2.3. Недействительность сделки, совершенной под влиянием существенного заблуждения (ст. 178 ГК РФ)

Можно предположить, что существенное заблуждение при оспаривании односторонней сделки должно быть на стороне, от которой исходит волеизъявление на совершение сделки, то есть заявление о выходе на основании ст. 178 ГК РФ может быть оспорено только самим выходящим участником. В судебной практике не удалось найти примеры успешного оспаривания сделки в связи с существенным заблуждением. Суды зачастую обращают внимание на то, что из поведения участника следовало намерение прекратить корпоративные правоотношения.

Например, в постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.02.2019 по делу № А68-7863/2018 суд обоснованно не признал сделкой под влиянием заблуждения заявление о выходе из общества на том основании, что, подавая такое заявление, истец рассчитывал на выплату действительной стоимости доли, в то время как она не была выплачена. Суд апелляционной инстанции правомерно указал, что заблуждение относительно мотивов сделки не влечет ее недействительности.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2021 по делу № А41-65719/2019 суд принял во внимание также то, что действительная стоимость доли была выплачена, а факт заблуждения истцу доказать не удалось.

2.2.4. Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств; кабальная сделка (ст. 179 ГК РФ)

На возможность оспаривания заявления о выходе по ст. 179 ГК РФ прямо указано в п. 16

5 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2021 по делу № А40-92719/2018.

постановления Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

В пункте 13 информационного письма Президиума ВАС РФ от 10.12.2013 № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечено, что в случае признания арбитражным судом заявления участника общества с ограниченной ответственностью о выходе из состава участников общества недействительным на основании ст. 179 ГК РФ как односторонней сделки, совершенной под влиянием угрозы, участник считается не вышедшим из состава общества.

Однако факт обмана, насилия или угрозы, как показывает судебная практика к данной статье, доказать довольно сложно. Сделка по выходу участника из общества не является исключением. Так, суд пришел к выводу, что не является сделкой, совершенной под влиянием обмана, выход из общества, поскольку истец не смог доказать, что его выход был обусловлен сохранением истцом корпоративного контроля над обществом⁶.

Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.04.2017 по делу № А40-160149/16: со ссылками на копии заявления в ОВД, письменных объяснений и показаний свидетелей судом было установлено, что с марта 2015 г. тестю истца начали поступать телефонные звонки с угрозами с требованиями передать завод. Данные угрозы продолжали поступать вплоть до конца 2015 г.

В постановлении Восьмого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2021 по делу № А70-9154/2020 был исследован вопрос о кабальности сделки по выходу из общества. Истец ссылался на то, что поскольку в отношении него была возбуждена процедура реализации имущества, 100%

доли общества вошло в конкурсную массу. В связи с этим истцу пришлось подать заявление о выходе из общества, чтобы рассчитаться с кредиторами. Суд ожидаемо не посчитал данное обстоятельство достаточным для вывода о кабальности сделки, поскольку воля истца была сформирована свободно. Данное дело интересно также тем, что истцом фактически был заявлен альтернативный предмет иска: оспаривание сделки по выходу или, если суд не найдет оснований для признания такой сделки недействительной, взыскание действительной стоимости доли. Требование о взыскании действительной стоимости доли было удовлетворено.

В результате проведенного анализа удалось обнаружить лишь несколько судебных актов, которыми были удовлетворены требования об оспаривании заявления о выходе со ссылкой на ст. 179 ГК РФ, что в целом соответствует крайне скептическому отношению судов к данному основанию для оспаривания.

2.3. Предмет иска об оспаривании заявления о выходе

При формулировании предмета иска необходимо исходить из направленности на защиту и восстановление нарушенных прав и законных интересов. Оспаривание заявления о выходе с учетом того, что сделка считается совершенной с момента регистрации изменений в ЕГРЮЛ, фактически связано с вопросом о признании права собственности на доли (и о признании права собственности отсутствующим у общества), а также часто с оспариванием самой записи в ЕГРЮЛ. Как и в случае с недвижимостью, подобная двойственность дает широкий простор для формально разных требований по оспариванию, с единой целью по существу. Кроме того, истцы часто заинтересованы в оспаривании управленческих решений, которые были приняты в обществе в то время, когда они уже не являлись участниками, либо в оспаривании сопутствующих или последующих сделок.

6 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2020 по делу № 41-11661/2020.

2.3.1. Признание права собственности

Обычным последствием выхода участника из общества является регистрация права на долю за обществом. В связи с этим наиболее часто при оспаривании заявления о выходе как односторонней сделки в качестве применения последствий ее недействительности выдвигают требование о признании права собственности за истцом (если иск подан выбывшим участником) или за ответчиком (если иск подан оставшимися участниками или, как было показано выше, супругом (супругой) вышедшего участника). Требование о признании права собственности с учетом того, что в текущей редакции подп. 2 п. 7 ст. 23 ФЗ «Об ООО» сделка считается совершенной с момента государственной регистрации, должно быть заявлено в любом случае. Если право не зарегистрировано, то сделка не совершена, поэтому требование о ее оспаривании не имеет смысла.

2.3.2. Признание недействительной сделки по последующему отчуждению доли

Если после перехода доли обществу данная доля перешла по возмездной сделке иному лицу, то оспаривание последней сделки также становится предметом иска, поскольку целью лица, оспаривающего выход, является возврат доли себе (как вышедшему участнику) или иному лицу (чаще всего супругу вышедшего участника).

Например, в Определении Верховного Суда РФ от 18.04.2016 № 305-ЭС16-2571 по делу № А40-117162/2012 указано, что признание заявления Кондрачука В.М. о выходе из состава участников общества недействительным как односторонней сделки означает, что данная сделка

не привела к тем правовым последствиям, на которые была направлена, то есть к выходу участника из общества, суд правомерно признал недействительными решение общего собрания общества об отчуждении спорной доли и последующую сделку купли-продажи не перешедшей к обществу доли в уставном капитале третьему лицу.

При данных обстоятельствах суд, в целях восстановления нарушенного права истца, удовлетворил исковые требования, признав за Кондрачуком В.М. право на долю в размере 21% в уставном капитале общества «Газкомплектброкер» путем истребования названной доли из чужого незаконного владения с одновременным лишением ответчика прав на эту долю.

Таким образом, суд подтвердил, что если основание для передачи права собственности, то есть само наличие права собственности, отпало, то отчуждатель не мог передавать право на долю, в связи с чем сделка по отчуждению доли является недействительной. Более того, судом также было удовлетворено требование о виндикации доли — довольно спорный институт применительно к долям в хозяйственном обществе. Право на долю или акции в хозяйственном обществе является обязательственным правом, а виндикация — это вещно-правовой способ защиты, что является одним из признаков вещных прав⁷. Ряд ученых, критикуя многочисленную судебную практику по виндикации долей и акций, указывают на недопустимость виндикации применительно к корпоративным правам⁸. По утверждению **С.В. Сарбаша**, восстановление корпоративного контроля фактически как способ защиты корпоративных прав появилось из-за того, что суды часто использовали конструкцию виндикации

7 Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. Т. 2 С. 26.

8 Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017; Маковская А.А. Восстановление корпоративного контроля в системе способов защиты корпоративных прав // Вестник ВАС РФ. 2009. № 1; Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, А.В. Габов и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. — М.: Статут, 2018. Т. 2.

применительно к акциям или долям хозяйственного общества, к которым в юридическом смысле виндикацию применять некорректно, поскольку данные объекты не являются вещами⁹.

Не углубляясь подробно в тему допустимости виндикации, отметим лишь, что такое требование нередко встречается в делах по оспариванию выхода участника. Однако зачастую цель, которую преследуют истцы, может быть достигнута путем заявления более подходящих под особенности корпоративных прав требований — о восстановлении корпоративного контроля или о признании права собственности на долю (с одновременным признанием права собственности отсутствующим у ответчика).

2.3.3. Признание недействительными решений общего собрания участников

Вместе с оспариванием заявления о выходе истец может быть заинтересован в оспаривании решений, принятых в обществе в период, когда он не являлся участником. Интерес истца в данном случае направлен на восстановление того положения, в котором находилось общество, когда он незаконно утратил права собственности на долю.

В подавляющем большинстве случаев речь идет о целенаправленном лишении корпоративного контроля, и сразу после выхода доля размывается путем увеличения уставного капитала за счет вкладов участника или принятия в состав общества новых участников. Например, постановлением Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2020 по делу № А60-35931/2019 было признано недействительным решение об увеличении уставного капитала в связи с установлением умысла на размытие доли после выхода участника и отсутствием достаточных доказательств объективной необходимости увеличения уставного капитала путем введения в его состав новых участников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ судебной практики показал, что специфику заявления о выходе как односторонней сделки и момент ее совершения необходимо учитывать при оспаривании такой сделки.

Зачастую при признании заявления о выходе недействительной сделкой суды рассматривают ее как часть сложного юридического состава иной сделки, направленной на отчуждение доли с противоправной целью. Специфика сделки по выходу из общества заключается и в моменте ее совершения.

Далее, сложившийся в предшествующей судебной практике вывод о совершении сделки в момент получения заявления о выходе из общества в связи с новой редакцией подп. 2 п. 7 ст. 23 ФЗ «Об ООО» нерелевантен текущему регулированию. Поэтому участник фактически выражает волеизъявление в момент подачи заявления нотариусу. Однако правовые последствия такой сделки находятся вне ее фактического состава и связаны с государственной регистрацией изменений в ЕГРЮЛ. Поэтому изменение момента совершения сделки влечет за собой и то, что теперь истец при оспаривании подобной сделки должен для защиты своего материального права комбинировать свою исковую просьбу с требованием о признании права собственности на долю, поскольку если право не перешло, то оспаривание сделки теряет смысл.

При этом хотя оспаривание заявления о выходе теоретически и может быть признано недействительным по ряду оснований, анализ судебной практики показывает, что заявителям не удается доказать обстоятельства, на которые они ссылаются, ввиду высокой сложности при доказывании таких обстоятельств.

9 Сарбаш С.В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 4.